Автор: Оргкомитет
11.09.2014 12:12

Живет в Кишиневе (Молдова).

Про жамки

ходит облако в груди,
душу пеленает...
как на небо ни иди –
травы не пускают,
в них кузнечик-лешачок,
тихий, узкоплечий,
ловит в махонький сачок
шедших издалече:

"погости хоть полчаса –
путь наверх недлинный.
затянуло небеса
мутной паутиной.
погляди — раздался вширь,
поперёк дороги,
и качается мизгирь
полосатоногий,
пусть заходится петух
в крике троекратном –
поджидает он не мух
над крыльцом парадным,
на тебя навеет сон
опахалом белым,
в шёлк нарядит и виссон
и прильнёт всем телом..."

смотрят в летошнюю гарь
лиственные лица:
там сидит гадячий царь
со своей царицей –
у неё осьмнадцать ног,
мягче аксамита,
и на каждой башмачок,
золотом расшитый.
беспечально и тепло
под пушной дерниной –
зыблют земляное тло
черепашьи спины,
на ладони не гляди –
не отыщешь доли...

только облаку в груди
не уйти на волю.
разрастается оно,
ширится, ветвится,
ищет ощупью окно,
окликает птицу:
"проведи меня на свет,
надышусь им, белым,
потому что сладу нет
с беспокойным телом,
да вернусь, неся в горсти
солнечные жамки –
детку надобно растить,
вишь, кричит без мамки".

Автор: Оргкомитет
11.09.2014 12:12

Мой зверь

Лето богатое – сад нагулял жирок:
ягодный, яблочный, тыквенный – не зевай.
Люди приходят сюда надышаться впрок:
пыль не мука, а дорога – не каравай.

В щели забора глядят лебеда да сныть –
ловят, как нищенки, солнечные гроши.
В нашем саду только бабочкам вечно жить –
тот, кто душа, не имеет своей души.

Всем остальным – надкусить наливной ранет,
сахарной выпить воды – и пчелой на труд.
Зверь мой желанный, какого на свете нет,
Ты покажись мне, покуда ещё я тут.

Капают звёзды на землю сквозь решето,
будто бы обещают кого-то мне.
Гладить тебя понарошку – совсем не то,
что наяву прикоснуться к твоей спине.

В поле ржаном колосится трава костерь.
Думали – мёд, а открыли бочонок – падь...
Мне разрешили поверить в тебя, мой зверь.
Это – уверили – то же, что обладать.

Ты приходи – на движение и на звук,
на замирание под костяной дугой...
Мне не кормить тебя лакомствами из рук,
ибо приставлен кормилец к тебе другой.

Тёплое небо нарезано на ломти:
чёрный просоленный, сливочный голубой...
Я не могу, не увидев тебя, уйти.
Мне не позволят остаться, мой зверь, с тобой.

Близятся сумерки, надо бы знать и честь –
Там, за калиткой, куриная слепота...
Лишь бы расслышать за шорохами: я есть.
Только бы взять – и дотронуться.
Навсегда.

На большой земле

Разделённый ангелом и бесом

пополам, а чаще наугад,
вот и стал непроходимым лесом
некогда любимый вертоград –
бабочки надеты на булавки...
Только и осталось, что весной
обходить по очереди лавки
в поисках единственной одной:
где-то там, среди растений прочих
притаившись в дальнем уголке,
продаётся аленький цветочек,
выросший в пластмассовом горшке.

Он стоит, не узнан остальными,
и глядит рассеянно в окно.
У него затейливое имя –
но не настоящее оно.
Листья – настороженные ушки,
лепестки – ажурное шитво...
Он меня узнает, потому что
я ему скажу, как звать его.
Унесу, укачивая шагом,
тихим непоспешливым пешком
с головой завёрнутый в бумагу
не вазон, а остров с маяком.

Звёзды спят на корабельном днище,
темнота вздыхает под веслом...
Помнишь? Там земля, где нас не ищут,
но тоскуют, как о небылом.

Страница автора в Сети